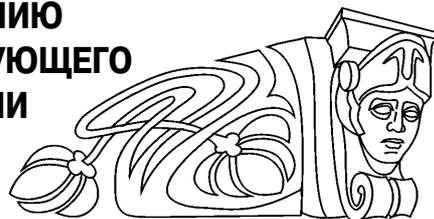

УДК 94: 355. 083. 311. (470) «1918»

«МУРАВЬЕВ ВСЯЧЕСКИ МЕШАЛ СОСРЕДОТОЧЕНИЮ ПЕРВОЙ АРМИИ»: К ВОПРОСУ О РОЛИ КОМАНДУЮЩЕГО ВОСТОЧНЫМ ФРОНТОМ В СОЗДАНИИ 1-Й АРМИИ ЛЕТОМ 1918 ГОДА

Е. О. Наумов

Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И. Д. Воронина, Саранск
Email: naumoveo@mail.ru

В статье на основе преимущественно архивных материалов анализируется вклад командующего Восточным фронтом М. А. Муравьева в создание 1-й армии летом 1918 года.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная армия, Среднее Поволжье, Восточный фронт, 1-я армия, отрядная система, эшелонная война, мятеж Муравьева.

«Muravyov in Every Way Prevented the Concentration of the First Army»: on the Role of the East Front Commander in the Formation of the First Army in the Summer of 1918

Е. О. Naumov

The article, based mainly on archival materials, analyzes the contribution of the Eastern Front commander M. A. Muravyov to the formation of the First Army in the summer of 1918.

Key words: Civil War, Red army, Middle Volga region, 1st army, unit system, «echelon war», Muravyov mutiny.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-262-268

Одной из самых противоречивых фигур среди военачальников Красной армии в годы Гражданской войны в России, оказавших существенное влияние на ход событий, являлся командующий Восточным фронтом М. А. Муравьев, получивший печальную известность, прежде всего, в качестве инициатора неудавшегося выступления против большевистского правительства, которое завершилось убийством главкома в Симбирске 11 июля 1918 года. Последнее обстоятельство на долгое время лишило широкую общественность объективного взгляда на вклад М. А. Муравьева в создание Красной армии на Восточном фронте летом 1918 года, положительный характер которого в советской историографии практически полностью отрицался, несмотря на попытки отдельных авторов беспристрастно рассмотреть данную проблему. Например, в одной из обобщающих работ по истории Гражданской войны, впервые изданной в 1930 году, сообщалось, что М. А. Муравьеву «удалось ... провести ряд организационных мероприятий: наметить образование четырех армий, отдать приказ о сведении разнотипных организаций в армиях в штатные однотипные единицы (полки, батареи, эскадроны)»¹. Однако в исследованиях, вышедших в период со второй

половины 1930 до начала 1990-х годов, вся деятельность главкома интерпретировалась как часть плана по подготовке антибольшевистского выступления. Например, А. П. Ненароков, анализируя процесс организации 1-й армии, писал: «Муравьев всячески мешал сосредоточению Первой армии, не снабжал ее, тормозил вооружение, отдавал противоречивые указания командирам отдельных частей через голову командования армии»².

Первая попытка рассмотреть данный аспект биографии главкома была предпринята А. А. Симоновым, который справедливо заметил, что в литературе «за авантюристической выходкой мятежа осталась незамеченной созидательная работа М. А. Муравьева в Красной армии»³. Тем не менее автор ограничился упоминанием лишь известных преимущественно по опубликованным документам и литературе мероприятий командующего – сведение всех войск Восточного фронта в четыре армии, начало борьбы с «эшелонной войной», формирование штаба объединения, пренебрегая деталями при описании указанных преобразований⁴. Таким образом, проблема определения вклада М. А. Муравьева в дело создания вооруженных сил на востоке страны по-прежнему продолжает оставаться практически неизученной. В то же время фонды Российского государственного военного архива содержат множество документов, позволяющих на примере 1-й армии Восточного фронта достаточно подробно осветить военно-организационную деятельность главкома.

Антибольшевистское выступление Чехословацкого корпуса, вспыхнувшее на востоке страны в конце мая 1918 года и распространившееся по территории Поволжья, Приуралья и Сибири, примыкавшей к Транссибирской железнодорожной магистрали, поставило перед центральным военным командованием необходимость сосредоточения в указанном регионе определенного количества вооруженных сил и придания им соответствующей организационной структуры. Так, к середине июня 1918 года все войска были сведены в несколько фронтовых объединений – Западный Чехословацкий (Саратов – Сызрань – Симбирск), Восточный Чехословацкий (Самара – Златоуст), Северо-Урало-Сибирский (Екатеринбург – Тюмень), Урало-Оренбургский (Уфа – Оренбург) фронты, во главе каждого из которых стоял относительно самостоятельный в оперативном отношении главком. Однако не-

обходимость выполнения общей стратегической задачи по подавлению мятежа чехословаков и разгрому формирующейся в Самаре Народной армии Комуца потребовала координации действий Красной армии в рамках единого командования. Поэтому 13 июня 1918 года Председателем СНК В. И. Лениным и Народным комиссаром по военным делам Л. Д. Троцким было подписано положение о создании нового органа руководства войсками на востоке страны – Революционного военного совета в составе народного комиссара П. А. Кобозева, главнокомандующего М. А. Муравьева и комиссара Г. И. Благодрава⁵.

Процесс унификации системы управления вооруженными силами на Восточном фронте предполагал, прежде всего, сведение отдельных частей и подразделений в полевые армии. К этому времени военное командование уже имело опыт строительства армейских объединений, представлявших собой группу отрядов, действующих на самостоятельном операционном направлении, первые из которых были организованы в январе 1918 года в составе Южнорусского революционного фронта. Примечательно, что инициатором осуществления данного преобразования был М. А. Муравьев, занимавший должность командующего войсками, оперирующими против формирований Центральной рады на Украине. 17 января 1918 года в разговоре с начальником штаба народного комиссара по борьбе с контрреволюцией на юге Д. И. Медведевым он сообщал: «Вчера же, наконец, подошли ко мне отряды Берзина и Кудинского, с которыми сговорился, и они мне подчинились. Весь свой обширный фронт разделил на три армии: войска Берзина составляют 2-ю, войска Егорова 1-ю, войска Кудинского 3 армию»⁶. Впоследствии объединение войск советского правительства в полевые армии являлось неотъемлемой частью мероприятий по созданию того или иного фронта, в том числе и Восточного. Решение данной задачи значительно облегчалось наличием в распоряжении М. А. Муравьева практически готовой иерархичной структуры (фронт – территориальная группа отрядов – часть (сводный отряд)) вооруженных сил на востоке страны, сформированной его предшественниками, стоявшими во главе небольших объединений, и на базе которой происходило создание полевых армий. Так, 14 июня 1918 года в адресованной председателю Высшей военной инспекции и командующему Восточным Чехословацким фронтом Н. И. Подвойскому телеграмме относительно принятия мер по освобождению от чехословаков расположенной восточнее Самары станции Кинель М. А. Муравьев сообщал: «Необходимо оренбургской и уфимской группам быть в связи. Группы составят одну армию, номер которой сообщу отдельно, когда будете в Военном совете. Назначен командующим я, выезжаю на фронт»⁷. В этот же день из телеграммы М. А. Муравьева командующему Северо-Уральским фронтом и члену Высшей военной инспекции Р. И. Берзину

становится известно о решении главкома наладить «одну операцию на Волге» и привести в порядок расположенные там войска⁸. Очевидно, что данная фраза относится к деморализованным частям и отрядам Западного Чехословацкого фронта, которые в тот момент стали отступать к Сызрани и далее на запад в сторону Пензы и ст. Инзы.

Ввиду того что наибольшую опасность для целостности фронта к середине июня 1918 года представляло сызранское направление, члены РВС посчитали необходимым начать организацию первого армейского объединения на данном участке. Директивой от 19 июня 1918 года, подписанной М. А. Муравьевым, командарму А. И. Харченко, назначенному на указанную должность декретом РВС № 1 от 16 июня 1918 года⁹, предписывалось «объединить войска, расположенные в сызрано-сибирском направлении ... и соорудить из войск 1-ю Советскую армию, согласно красноармейским штатам»¹⁰.

Следует отметить, что характеризуемые мероприятия были разработаны и реализованы исключительно по инициативе фронтового командования без согласования с центральным руководством¹¹, которое с марта 1918 года практиковало создание несколько иной формы организации войск – завесы, впервые сформированной на севере и западе страны для обороны республики от немецкого наступления и представлявшей собой группу отрядов, сведенных в несколько участков¹².

Основные направления деятельности М. А. Муравьева по упорядочиванию управления вооруженными силами на востоке страны во многом были обусловлены опытом проведения наступательной операции формирующейся 1-й армии на Сызрань 18–20 июня 1918 года. В отчетном докладе Л. Д. Троцкому главком привел множество факторов, повлиявших на неудачное завершение наступления – отсутствие необходимого количества войск, недисциплинированность командного состава и солдат, их небоеспособность, применение тактики «эшелонной войны», а также необеспеченность частей и подразделений оружием, боеприпасами и техническими средствами. Так, М. А. Муравьев писал, что «на Сызранском направлении к вечеру 18 июня из 3-х тысяч человек осталось только верных и сравнительно приличных солдат 300 человек при 4-х орудиях»¹³. Поэтому главком вынужден был обратиться к Л. Д. Троцкому с просьбой о высылке в 1-ю армию около 3 тысяч человек «хорошей пехоты»¹⁴. Однако целенаправленного и единовременного снабжения объединения свежими частями при наличии других полевых армий на Восточном фронте и небольшого количества боеспособных вооруженных сил, находящихся в распоряжении центральных и местных органов власти, ожидать было практически невозможно. Поэтому М. А. Муравьев высказал предположение о необходимости создания новых формирований

самостоятельно под контролем фронтового командования, «лишь бы были инструктора»¹⁵.

Существенную роль в складывании сложившегося положения сыграла особая тактика ведения боевых действий, получившая название «эшелонной войны», одним из способов проявления которой являлось постоянное расположение частей и подразделений в воинских эшелонах, являвшихся также средством отступления вооруженных сил в тыл. М. А. Муравьев, ставший свидетелем отхода частей и отрядов формирующейся 1-й армии под Сызранью, «застал все войска разбредшимися по своим эшелонам и по окрестностям совершенно дезорганизованными»¹⁶. В результате железнодорожные пути и узловые станции региона были в буквальном смысле слова забиты составами, что препятствовало подвозу подкреплений и снабжению частей. Так, главнокомандующий сообщил, что имевшийся в его распоряжении небольшой резерв не смог «прийти на помощь, ибо дорога была страшно запружена воинскими поездами». Поэтому в докладе Л. Д. Троцкому М. А. Муравьев писал, что «железнодорожный способ войны я совершенно не признаю, так как войска разлагаются и балуются... Железные дороги должны служить для подвоза провиантов и припасов, исходными точками для походов и маневров, но для этого необходимо, чтобы формируемые части имели легкие обозы, палатки, шанцевый инструмент, одним словом должны быть оборудованы технически отлично, чтобы можно было вести полевые операции. Я скоро издам приказ по фронту о высылке всех войск из эшелонов и прекращу это баловство»¹⁷. Согласно данному приказу от 24 июня 1918 года командармам предписывалось «все войска высадить из поездов на исходных пунктах, откуда намечаются те или иные боевые действия»¹⁸.

После расположения вооруженных сил вне железнодорожных составов у фронтового командования появилась возможность начать обучение солдат основным правилам ведения боевых действий в полевой обстановке. Телеграммами от 23 и 30 июня 1918 года М. А. Муравьев приказывал командармам проводить с солдатами тренировочные занятия по сторожевой службе, разведке, походному движению, наступательным боям на обозначенного противника, стрельбе. Высадившиеся из вагонов войска предписывалось обучить окопному делу на открытой местности¹⁹.

Столкнувшись с отказом многих частей и подразделений выполнять распоряжения фронтового и армейского командования, М. А. Муравьев практиковал использование карательных мер. Так, в цитируемом докладе Л. Д. Троцкому главнокомандующий писал, что 4-й латышский полк, вошедший впоследствии в состав Инзенской дивизии 1-й армии, «не желает подчиняться советской власти, причем командир и его помощник чрезвычайно дерзко и вызывающе держат себя с революционным советом... Заставить его подчиняться я пока не имею реальных сил, но, безусловно, я его уничтожу, как

только эти силы у меня будут, ибо полк думает вернуться в Москву и развратить всю дивизию из всех войск»²⁰. Аналогичным образом планировалось пресекать случаи девиантного поведения красноармейцев, о чем свидетельствует доклад инспектировавшего 1-ю армию правительственного комиссара при Латышской дивизии К. Х. Данишевского от 29 июня 1918 года, из которого становится известно, что М. А. Муравьев угрожал направить карательный отряд в Инзенскую группу войск, солдаты которой занимались грабежом местного населения и пьянством²¹.

Процесс создания штаба 1-й армии в конце июня 1918 года также происходил под руководством М. А. Муравьева, в распоряжении которого на тот момент имелись работники расформированного штаба Западного Чехословацкого фронта, которые были впоследствии назначены на наиболее важные должности главного органа управления объединением. Одним из первых свои услуги по организации войск предложил начальник снабжения сводного отряда А. Ф. Каменского И. М. Штейнгауз, отправивший 19 июня 1918 года М. А. Муравьеву следующую телеграмму: «Когда разрешите приехать с полным и подробным докладом и проектом по вопросу о снабжении армии»²². Уже на следующий день, 20 июня 1918 года, еще до официального создания штаба И. М. Штейнгауз вступил в должность начальника отдела снабжений 1-й армии²³, несмотря на то что данное назначение было официально подтверждено только 23 июня 1918 года декретом РВС Восточного фронта²⁴. Приказом № 1 от 23 июня 1918 года, подписанным начальником штаба Р. Шимуничем, бывшим руководителем штаба Сызранской группы войск Западного Чехословацкого фронта, согласно распоряжения М. А. Муравьева штаб 1-й армии формировался в следующем составе: начальник оперативного отдела С. Шабич, занимавший до этого должность помощника Р. Шимунича, начальник связи Симанов, начальник охраны штаба Болод, заведующий хозяйством штаба Зандель, комендант штабквартиры Подречик, казначей штаба и инспектор снабжения Разумов, заведующий канцелярией штаба Моон, адъютант штаба Дудко²⁵.

Кроме того, М. А. Муравьев сыграл одну из ключевых ролей в назначении на должность командующего 1-й армии молодого подпоручика М. Н. Тухачевского, который прибыл в его распоряжение из Москвы «для исполнения работ исключительной важности по организации и формированию Красной Армии в высшие войсковые соединения и командование ими»²⁶. Необходимость смены командарма была обусловлена тем, что А. И. Харченко не предпринял существенных мер по организации объединения, о чем имеются документальные свидетельства. Так, на «недостаточную распорядительность командующего армией» указывал в своей телеграмме заведующий политотделом фронта²⁷. Поэтому декретом

№ 8 РВС от 26 июня 1918 года командующим 1-й армией стал М. Н. Тухачевский²⁸. Об участии М. А. Муравьева в принятии данного решения говорит телеграмма С. И. Аралову от 27 июня 1918 года, в которой главком писал: «вместо него (А. И. Харченко. – Е. Н.) назначил коммуниста кадрового офицера Тухачевского»²⁹. Кроме того, в приказе по армии от 28 июня 1918 года М. Н. Тухачевский сообщал, что «сего числа я вступил в командование 1-й Революционной армией согласно приказу главнокомандующего Восточным фронтом»³⁰.

Большое внимание М. А. Муравьев уделял снабжению 1-й армии продовольствием, оружием, боеприпасами, техническими средствами. Так, еще 17 июня 1918 года Д. И. Архангельскому, начальнику Рузаевской базы снабжения, вошедшей впоследствии в состав одноименного отдела 1-й армии, предписывалось все прибывающие из Москвы войска «задержать в Рузаевке, обмундировать, снарядить и вооружить и не отправлять до моего распоряжения»³¹. В докладе Л. Д. Троцкому главком требовал немедленной отправки на фронт легких и тяжелых артиллерийских батарей, снарядов всех калибров, понтонных и саперных рот, радиостанций, санитарных отрядов, поездов, а также врачей и фельдшеров. Кроме того, М. А. Муравьев приказал сформировать при штабах армий отделы снабжений, а также базы для сосредоточения военного имущества³². Из телеграммы М. Н. Тухачевского начальнику штаба Восточного фронта Н. В. Соллогубу от 4 июля 1918 года становится известно, что М. А. Муравьев планировал организацию таких баз в Инзе, Пензе, Рузаевке, Симбирске, Арзамасе, Тереньге, Сенгилее, Мазе, Мелекессе, Погрузной, Сергиевске, Троцком, Базарной, Барыше, Кузнецке, Репьевке³³. Впоследствии во время инспекционных поездок по фронту главком обращал внимание на процесс обеспечения вооруженных сил всем необходимым. В телеграмме С. И. Аралову от 6 июля 1918 года сообщалось, что М. А. Муравьев, «ознакомившись на месте со снабжением Симбирской группы 1 армии, усмотрел, что из грузов, посланных для армии, ни один еще не дошел до фронта»³⁴.

Ввиду того что центральное командование зачастую не могло удовлетворить все потребности войск в военном имуществе, М. А. Муравьев рекомендовал армейскому руководству обращаться за помощью в местные органы власти, вплоть до полного и беспрепятственного подчинения последних командарму или сотрудникам штаба. С целью достижения большей результативности главком сам отдавал необходимые распоряжения, на которые впоследствии в своих приказах или телеграммах ссылалось армейское командование. Так, М. А. Муравьев приказывал всем местным военным и гражданским властям подчиняться начальнику отдела снабжения 1-й армии И. М. Штейнгаузу³⁵, предписывал Приволжскому

окружному и Тамбовскому губернскому военным комиссариатам выполнять все требования командарма М. Н. Тухачевского, в частности на отправку инструкторов, чертежников, карт, уставов полевой службы и наставлений³⁶. В начале июля 1918 года М. А. Муравьев отдал приказание начальнику Рузаевской базы снабжения «производить закупку хлеба для армии»³⁷. Кроме того, в начале июля 1918 года М. А. Муравьев подписал приказ, согласно которому «все учреждения, находящиеся в районе действующих армий подчиняются командармам последних, все происходящие от них требования должны исполняться»³⁸.

Буквально с первых дней после назначения на должность командующего 1-й армией М. Н. Тухачевский неоднократно обращался к М. А. Муравьеву с просьбами об оказании помощи при решении тех или иных организационных вопросов. Так, из телеграммы от 30 июня 1918 года становится известно об отказе политического комиссара 1-й армии О. Ю. Калнина ставить подпись под приказом о назначении суточных денег военным специалистам, работающим в штабе объединения. Поэтому командарм просил «помочь мне в этом деле. Ради успеха не боюсь взять ответственность на себя... Так мы не только не соберем хорошего командного состава, но и потеряем тот, что есть»³⁹. В итоге приказом по армии № 19 от 15 июля 1918 года офицеры удовлетворялись «подъемными деньгами в сумме 500 рублей»⁴⁰, а приказом № 22 от 23 июля 1918 года военные специалисты и их семьи имели возможность получать бесплатный продуктовый паек⁴¹. Несмотря на то что данные распоряжения были подписаны и опубликованы уже после ликвидации авантюры М. А. Муравьева, есть вероятность того, что главком успел сыграть определенную роль в решении возникшего вопроса.

Для размещения штаба армии М. Н. Тухачевский телеграммой от 30 июня 1918 года просил М. А. Муравьева «спешно выслать один вагон салон, один вагон ресторан, два вагона 1-го класса для штаба армии и один вагон 1-го и один 2-го класса для [Инзенской] дивизии. Без них нельзя работать»⁴². Впоследствии командарм использовал салон-вагон для передвижения по расположению объединения с целью решения оперативных вопросов руководства вооруженными силами, что было крайне необходимо при рассредоточении войск на обширной территории, а также неэффективности удаленного способа командования ими⁴³.

Последующие меры М. Н. Тухачевского по «наведению порядка в армии», создание 5 июля 1918 года военно-революционных трибуналов⁴⁴, а также расстрел «за неисполнение вовремя... приказа» командиров Брянского полка и Петроградского батальона⁴⁵ вызывали одобрение М. А. Муравьева, о чем свидетельствует телеграмма начальника штаба Восточного фронта Н. В. Соллогуба командарму от 9 июля 1918 года⁴⁶.

Единственный эпизод из деятельности М. А. Муравьева, позволяющий определенно судить об использовании своих должностных полномочий для подготовки антибольшевистского выступления, связан с попыткой привлечь на свою сторону штаб 1-й армии и командарма М. Н. Тухачевского, а также сосредоточить в Симбирске вооруженную опору из потенциально верных, преимущественно левоэсеровских воинских подразделений, входивших в состав 1-й армии. Для этого, согласно воспоминаниям Ф. Валхара, М. А. Муравьев заранее договорился с командующим Симбирской группой войск левым эсером К. Ивановым⁴⁷. Однако сам К. Иванов впоследствии писал, что «я решил действовать очень осторожно и наружно подчиниться всем приказаниям и распоряжениям Муравьева, ибо всякое открытое противодействие с моей стороны толкнуло бы его на немедленный арест не только большевиков, но и левых эсеров, несмотря на то, что «считал» себя сам им»⁴⁸. 8 июля 1918 года К. Иванов приказывал командиру Сводного отряда самарских боевых дружин левому эсеру Г. Д. Гаю «отправить в мое распоряжение Самарскую боевую дружину левых эсеров». На следующий день Г. Д. Гай предписывал начальнику дружины П. Ф. Устинову отбыть вместе с войсками из Сенгилея в Симбирск⁴⁹. Однако каких-либо действий, направленных на реализацию задуманных М. А. Муравьевым планов, за этим отрядом замечено не было по причине его задержки в пути.

9 июля 1918 года в Симбирске был остановлен подготовленный к отправке под Ставрополь (ныне Тольятти Самарской области) 1-й Курский броневой дивизион, которым командовал Н. Н. Беретти⁵⁰. Вопреки надеждам М. А. Муравьева, Курский бронедивизион не поддержал главкома и даже впоследствии принимал участие в его ликвидации.

Согласно другим сведениям М. А. Муравьев планировал втянуть в заговор всю 1-ю армию. Об этом свидетельствуют воспоминания Ф. Валхара, который писал, что главком «под страхом расстрела комиссара телеграфа тов. Панина заставил телеграфировать по фронтам мелекесско-бугульминскому и сызранскому о том, что война с чехословаками прекращается, и все войска должны направиться в г. Симбирск для отправки на запад и дальнейшей войны с Германией»⁵¹ (курсив наш. – Е. Н.). В итоге, непосредственное руководство М. А. Муравьевым частями и подразделениями 1-й армии вызывало недовольство М. Н. Тухачевского, который крайне ревностно относился к покушениям на его самостоятельность в области командования войсками⁵².

Кроме того, М. А. Муравьев потребовал эвакуировать в Симбирск штаб 1-й армии, находившийся на станции Инза. Однако заведующий передвижением войск и комендант станции И. Морозов, получивший из Симбирска телеграмму главкома о заключении перемирия с чехами и

намерении начать боевые действия с немцами, «сделал расцепку вагонов, заявив наштабму Шимуничу о негодности паровоза»⁵³.

Несмотря на предпринимаемые меры, попытки М. А. Муравьева осуществить запланированную акцию закончились убийством главкома. Однако, по мнению современников и последующих исследователей, данное выступление стало причиной отступления 1-й армии и захвата войсками Народной армии Комуча 10 июля 1918 года Сызрани и 22 июля 1918 года Симбирска. По словам М. Н. Тухачевского, «эта измена, так быстро и удачно ликвидированная, тем не менее, принесла колоссальный вред для армии. За время своего господства Муравьев разослал во все войсковые части телеграммы о заключении мира с чехословаками, войне с Германией и проч. Через несколько часов после расстрела Муравьева эти же части получили телеграммы об измене Муравьева, о его расстреле и проч. Это все произвело колоссальное впечатление на не сформировавшиеся части. Началась паническая боязнь предательств, развилось недоверие части к части, красноармейцев к командному составу и проч. Начались непрерывные ложные слухи об обходах, изменах и проч. Войска стали отходить даже без боя»⁵⁴.

Впоследствии во всех докладных записках и отчетах поражение войск 1-й армии и Восточного фронта в целом М. Н. Тухачевский и И. И. Вацетис, назначенный командующим Восточным фронтом, объясняли негативным воздействием на Красную армию измены М. А. Муравьева⁵⁵. Однако, на наш взгляд, подобные обвинения являются несколько преувеличенными и вызваны попыткой военного руководства переложить ответственность за последующие неудачи на фронте на мятежного главкома. Так, перечисленные М. Н. Тухачевским действия солдат, якобы вызванные телеграммами М. А. Муравьева, наблюдались и ранее. Кроме того, в официальном постановлении ЦК РКП (б) о мероприятиях по укреплению Восточного фронта от 29 июля 1918 года приводились следующие обстоятельства, приведшие к поражениям Красной армии – недостаточная стойкость частей, вызванная их необстрелянностью, неясность для солдат смысла выступления Чехословацкого корпуса, а также неопытность командного состава и политических работников⁵⁶. Можно отметить лишь, что выступление главкома стало одним из факторов, способствовавших дезорганизации фронта.

Необоснованными выглядят также последующие обвинения М. Н. Тухачевского в адрес М. А. Муравьева по поводу сознательного саботажа в деле формирования 1-й армии. Так, в докладе Л. Д. Троцкому командарм писал: «Как выясняется, Муравьев, видя напряженную работу по организации I армии, нарочно задерживал мне выдачу денег на нужды армии и своими приказами разрушал планомерные действия I армии»⁵⁷.

В записке И. И. Вацетису от 23 июля 1918 года М. Н. Тухачевский также сообщал, что «высшее командование Муравьева (фамилия вписана красными чернилами на фоне машинописного текста. – Е. Н.) сочло мои чрезмерно скромные требования (25 млн руб. – Е. Н.) излишними и ассигновало лишь 2 миллиона, которого мне не могло хватить и на выплату жалованья»⁵⁸. В действительности неспособность фронтового командования выполнить просьбу М. Н. Тухачевского имела вполне объективные причины. Так, в телеграмме начальника штаба Восточного фронта Н. В. Соллогуба от 6 июля 1918 года сообщалось, что «все формирования и отпуски на них кредитов идут [в] распоряжение Казанского окружного комиссариата (имеется в виду Приволжский окружной военный комиссариат. – Е. Н.), и нашей компетенции не подлежат»⁵⁹.

Таким образом, за почти месячный период пребывания М. А. Муравьева в должности командующего Восточным фронтом ему удалось заложить основы объединения, а также входивших в его состав формирований, в частности, 1-й армии. М. А. Муравьев являлся инициатором и проводником большинства мероприятий, направленных на приведение имевшихся в его распоряжении войск в боеспособное состояние – осуществлял подбор и назначение кадров, регулировал процесс обеспечения вооруженных сил всем необходимым для ведения боевых действий, боролся с пережитками предшествующего этапа строительства Красной армии, являлся сторонником крепкой дисциплины, основанной на карательных мерах и т. д. Большая часть указанных реформ из-за отсутствия поддержки центра проводилась по собственной инициативе, а также за счет ресурсов местных органов власти и впоследствии являлась базовой основой при последующей организации войск командующим Восточным фронтом И. И. Вацетисом и командармом М. Н. Тухачевским.

Примечания

- 1 Какурин Н. Е. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002. С. 80.
- 2 Ненароков А. П. Восточный фронт. 1918. М., 1969. С. 103.
- 3 Симонов А. А. Главком М. А. Муравьев и создание Восточного фронта // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 31.
- 4 Там же. С. 33–36.
- 5 Декреты Советской власти : в 18 т. М., 1959. Т. 2. С. 429–430.
- 6 Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922) : в 4 т. М., 1971. Т. 1. С. 41.
- 7 Впоследствии директивой М. А. Муравьева, подписанной не позднее 22 июня 1918 года, уфимская и оренбургская группы войск сводились во 2-ю армию

- под командованием В. В. Яковлева. См.: Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 1. С. 389.
- 8 См.: Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 1. С. 382.
 - 9 См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
 - 10 Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918 – Февраль 1921 гг. : Сборник документов и материалов. Ашхабад, 1972. С. 25.
 - 11 См. подробнее: Ганин А. В. Попытка упразднения Восточного фронта летом 1918 года. Малоизвестный эпизод советского военного строительства // Военно-исторический журн. 2016. № 8. С. 14–18.
 - 12 См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969. С. 26, 27.
 - 13 РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 92–93.
 - 14 Там же. Л. 99, 155.
 - 15 Там же. Л. 93.
 - 16 Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 17 об.
 - 17 Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 95, 97.
 - 18 Там же. Л. 147.
 - 19 Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 177–178.
 - 20 Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 92–93.
 - 21 Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 139.
 - 22 Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 185.
 - 23 Там же. Ф. 157. Оп. 6. Д. 1. Л. 1.
 - 24 Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
 - 25 Там же. Ф. 157. Оп. 3. Д. 655. Л. 1.
 - 26 Ненароков А. П. Указ. соч. С. 98.
 - 27 Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 76.
 - 28 Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.
 - 29 Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 325.
 - 30 Там же. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609. Л. 2.
 - 31 Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
 - 32 Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 98–99.
 - 33 Там же. Д. 28. Л. 16–17.
 - 34 Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 22.
 - 35 Там же. Ф. 157. Оп. 6. Д. 1. Л. 1.
 - 36 Там же. Ф. 106. Оп. 3. Д. 1079. Л. 46 ; Ф. 157. Оп. 3. Д. 44. Л. 40.
 - 37 Муравьев М. А. Приказ начальнику базы снабжения // Известия Рузаевского совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 7 июля.
 - 38 РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 26. Л. 1.
 - 39 Там же. Д. 57. Л. 177–177 об.
 - 40 Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 212.
 - 41 ЦГА РМ. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.
 - 42 РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 50. Л. 60.
 - 43 См.: Корицкий Н. И. В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский : Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 57, 61.
 - 44 РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609. Л. 4–4об. ; Ф. 1284. Оп. 1. Д. 480. Л. 1.
 - 45 Там же. Ф. 157. Оп. 3. Д. 53. Л. 100–103.
 - 46 Там же. Д. 39. Л. 70.

- ⁴⁷ См.: Валхар Ф. Ликвидация авантюры бывшего полковника Муравьева // Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 218.
- ⁴⁸ Сборник воспоминаний к четвертой годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 1918–1922. М., 1922. С. 9.
- ⁴⁹ См.: Стариков С. В. Левые социалисты в Великой Российской революции. Март 1917 – июль 1918 гг. (на материале Поволжья). Йошкар-Ола, 2004. С. 351.
- ⁵⁰ Сборник воспоминаний к четвертой годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии. С. 8.
- ⁵¹ Валхар Ф. Указ. соч. С. 218.
- ⁵² См.: РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 39. Л. 59.
- ⁵³ Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 96.
- ⁵⁴ Тухачевский М. Н. Первая армия в 1918 году // Тухачевский М. Н. Избранные произведения (1919–1927) : в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 80.
- ⁵⁵ См.: Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. С. 33, 37.
- ⁵⁶ См.: Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 1. С. 412.
- ⁵⁷ Симбирская губерния в годы гражданской войны (май 1918 – март 1919 гг.) : в 2 т. Ульяновск, 1958. Т. 1. С. 85.
- ⁵⁸ Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. С. 34–35 ; РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 3.
- ⁵⁹ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 28. Л. 36.

Образец для цитирования:

Наумов Е. О. «Муравьев всячески мешал сосредоточению Первой армии»: к вопросу о роли командующего Восточным фронтом в создании 1-й армии летом 1918 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 262–268. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-262-268.

Cite this article as:

Naumov E. O. «Muravyov in every way prevented the concentration of the First army»: on the role of the East front commander in the formation of the First army in the summer of 1918. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 262–268 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-262-268.
